

К.А. Фурсов

к.и.н., Институт экономики РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва

БРИТАНСКАЯ ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ: ИСТОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МУТАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема двойственной, политико-экономической, природы одного из ключевых предприятий раннего капитализма – британской Ост-Индской компании (1600–1874). В центре исследования – ее трансформация в Индии из купеческой корпорации в территориальную державу в XVIII в. Подчеркнута исходная гибридность компании и прослежено раскрытие заложенного в ней властного потенциала. Оно вывело торговую фирму в конкуренты сразу двух типов политических структур – индийских патримоний и британского государства. У компании выделены черты сходства с обоими этими типами. На их основе объяснены причины победы компании над патримониями и ее проигрыш государству в XIX в. Сделан вывод о неадекватности Ост-Индской компании как монопольной торговой организации промышленному капиталу и персонификатору его функции – государству. Случай институциональной мутации Ост-Индской компании подчеркивает взаимозависимость и взаимопереход политической и экономической сфер жизни, что стало особенно очевидным в эпоху глобализации. .

Ключевые слова: *Ост-Индская компания, капитализм, полития, государство, патримония.*

Классификация JEL: F54, N43, N45, N73, N75.

В 1600 г. королева Англии (1558–1603) Елизавета I даровала группе лондонских купцов хартию, по которой была инкорпорирована английская (позднее британская) Ост-Индская компания (1600–1874). Эта удивительная организация сыграла выдающуюся роль в подъеме британского капитализма. Она внесла весомый вклад в эволюцию организации бизнеса (одно из первых акционерных обществ в истории), процесс накопления капитала (до 15% капиталов в Британии), становление государственной кредитной системы (регулярные займы правительству в XVIII в.) и даже в производство через стимулирование импортзамещения, что содействовало британской промышленной революции (подробнее см.: [Фурсов К., 2016]).

Роль британской Ост-Индской компании этим далеко не исчерпывается. Внесла она и решающий вклад в подъем Второй Британской империи – владений Британии в афроазиатском мире, которыми та обросла после потери в 1783 г. североамериканских колоний. Компания выступила завоевателем и администратором имперских территорий – сначала по собственной инициативе, затем при поддержке своего государства.

В этом и состоит необычность Ост-Индской компании – в ее двойственной природе. С одной стороны, компания была купеческой корпорацией, целью которой было ввозить с Востока различные виды товаров. Она сразу получила от короны право монопольной торговли с Востоком, а позднее подкрепила его торговыми льготами от правителей азиатских политий¹, прежде всего Могольской империи в Индии. С другой стороны, исходно

¹ Полития – принятый в современной отечественной и западной науке термин, обозначающий любую властную структуру в мировой истории. Разновидностями политии выступают мегаобщина (в том числе древнегреческий полис), патримония, государство (*state*). В анализе форм властной организации термин «полития» позволяет соблюсти принцип историзма, прежде всего отграничить форму власти в капиталистической системе (государство) от всех иных.

компания обладала такими качествами, которые среди экономических организаций ставят ее (вместе с голландским и французским аналогами) особняком и позволяют говорить о ней как о структуре политической.

Понимание властной ипостаси Ост-Индской компании – задача не только политической, но и экономической истории. Оно позволяет адекватнее понимать специфику функционирования этого политико-экономического агента Британии, который в значительной степени сформировал современный мир. Актуальность теме добавляет сходство Ост-Индских компаний XVII–XIX вв. с современными транснациональными корпорациями, которые тоже ведут деловые операции в разных частях света и сочетают экономические формы деятельности с политическими, а подчас и военными.

Цель настоящей статьи – проследить механизм превращения купеческой организации во властную структуру и взглянуть на Ост-Индскую компанию как на конкурента современных ей политий.

1. Накопление политических черт

Уже по хартии 1600 г. корона делегировала Ост-Индской компании законодательную, исполнительную и судебную власть над ее служащими и право на самостоятельную внешнюю политику. Делегирование таких широких прав было неслучайным, его требовала сама природа деятельности компании. Ведь это была монопольная организация, ведущая торговые операции в другой части света, где Англия как государство еще никак не присутствовала. Для Англии Ост-Индская компания стала не только торговым, но и дипломатическим и военным инструментом проникновения в Азию. Для успешного функционирования компания должна была сама выступить для своего персонала в роли государства.

Помимо прочего, это требовало от компании готовности применять вооруженную силу – как к своим служащим (отправление полицейских функций), так и к другим властным организациям, какими были афро-азиатские политии разного масштаба. Уже первые «ост-индцы», как называли корабли Ост-Индской компании, отправлялись в дальний путь, щедро оснащенные пушками. Обычным опорным пунктом компании была фактория – торговое подворье, где селились ее служащие, складировались и реализовывались товары. По получаемым от индийских правителей грамотам компания пользовалась в факториях правом экстерриториальности (самоуправления). Так, ее служащие подлежали судебной власти комиссаров, наделенных королем правом судить военным судом, и президента и совета фактории, обладавших гражданской юрисдикцией. Первым известным случаем применения упомянутого права в фактории в гуджаратском порту Сураат был расстрел в 1616 г. одного англичанина за убийство другого [Kaue, 1966. P. 66]. Несмотря на экстерриториальность, компания, видя уязвимость бизнеса восточных купцов, стремилась лишиться власти физической возможности арестовывать ее людей и товары и диктовать свои условия. Наместники Могольской империи сплошь и рядом игнорировали шахский *фирман* (указ) о торговых льготах компании и облагали ее поборами [The English Factories..., 1906. P. 151; 1908. P. 246; Letters..., 1901. P. 77].

Поэтому уже в первой половине XVII в. компания стала искать способы вывести очаги своей деятельности из-под контроля азиатских правителей. Уже в 1639 г. она арендовала у одного из *наяков* (мелких правителей) Коромандельского берега Индии рыбацкую деревню Мадрас и вскоре возвела там крепость (форт св. Георга). В 1668 г. она получила от собственного короля (1660–1685) Карла II остров Бомбей с замком (король получил его от португальцев, но не хотел обустраивать сам). В 1696 г. компания начала строить крепость (форт Уильям) вокруг своей фактории в Калькутте. Фактории, обнесенные стенами с пушками, позволили компании чувствовать себя в относительной безопасности. Теперь в слу-

чае ее конфликтов с индийскими властями те могли арестовать товары и сопровождавших их лиц в глубь страны, но брать фактории-крепости было накладно (тогда рычагом выступала блокада).

При поздних Стюартах компания обрела ряд привилегий, которые расширили ее политический потенциал. Так, в 1676 г. Карл II разрешил ей чеканить индийские деньги в Бомбее. По хартии 1683 г. компания получила право объявлять войну нехристианским народам, назначать морских офицеров с полномочиями набирать и обучать моряков и солдат, а также судить военным судом; по хартии 1686 г. короля (1685–1688) Якова II – вводить военное положение на судах и в факториях и т.д. По той же хартии компания получила право самой издать хартию с целью основать в Мадрасе муниципалитет. Право создавать хартией муниципальные корпорации было одной из важнейших прерогатив короны [Ilbert, 1898. P. 23], а значит, Яков делегировал компании еще одно важное государственное качество.

Перечисленные полномочия позволили лидеру компании сэру Джозае Чайлду (формально или неформально возглавлял ее в 1680–90-е годы) заявить в 1687 г., что она превратилась в «суверенное государство в Индии» [Hunter, 1919. P. 303–304]. Безусловно, это было преувеличение: большинство торговых пунктов компании оставались факториями в подконтрольных Моголам городах, да и форты были «островками» в «море» имперских владений. Однако, уверившись в своей военной силе и переоценив значение своей торговли для индийской экономики, директора компании в 1686 г. объявили шаху (1658–1707) Аурангзебу войну. Причиной были неумеренные поборы наместника Бенгалии (1664–78) Шаиста-хана.

Однако компания опередила свое время. Это в XVIII–XIX вв. она будет в состоянии воевать с индийскими политиями и громить их. В XVII в. еще существовала общеиндийская держава – Могольская империя, которая, несмотря на начавшиеся центробежные тенденции, могла нанести ответный удар. Англичане разграбили восточноиндийские города Хугли и Балешвар, а в Аравийском море захватили несколько десятков торговых судов. Тогда имперские войска выгнали англичан из Бенгалии, а флот зависимых от Моголов выходцев из Эфиопии осадил Бомбей. В 1690 г. компания униженно просила мира, обязалась выплатить 150 тыс. рупий и «не вести себя в будущем так постыдно» [Keay, 1991. P. 144–146, 164].

Несмотря на поражение в войне 1686–90 гг., сам факт ее ведения говорил о переходе Ост-Индской компании в новое качество. Конечно, к вооруженному насилию она прибегала и раньше – например, в 1612 г. с целью заставить Моголов открыть для ее судов их крупнейший торговый порт Сураат. Однако теперь компания обладала не только военно-морским флотом, но и укрепленными поселениями на индийской территории.

Таким образом, уже к концу XVII в. Ост-Индская компания была больше, чем компанией. Социально-экономические и социально-политические процессы как в Южной Азии, так и на родине благоприятствовали ее дальнейшему продвижению по пути превращения в политику.

В XVIII в. компания приобрела в Индии небывалый экономический вес. Так, в торговле Сураата к 1740 г. на ее долю приходилось около половины [Das Gupta, 2001. P. 157]. Пропорционально экономической мощи британцев росли города – центры президентств, т.е. трех главных факторий: Мадраса, Бомбея и Калькутты. Укрепленные анклав сулили индийцам безопасность и более прочные права собственности. Поэтому в них переселялись купцы – агенты, посредники и партнеры компании, а также ремесленники, работодателем которых она являлась. По словам хрониста XVIII в. Гулама Хусейна, Калькутта росла обратно пропорционально населению могольского порта Бенгалии Хугли, – благодаря тому, что британцы оказывали жителям покровительство и обеспечивали им защиту [Ghulam Husain, 1898. P. 33]. Города под управлением компании становились сопоставимыми с круп-

нейшими городами Индии. Население Мадраса к 1746 г. достигло примерно 150 тыс. человек [Lawford, 1978. Р. 69], Калькутты к 1735 г. – 100 тыс., Бомбея к 1744 г. – 70 тыс. [Roberts, 1952. Р. 70–71], тогда как население имперских городов Лахора, Дели и Агры сократилось за XVIII в. с 400 тыс. до 100 тыс. человек [Bayly, 1983. Р. 112]. Рост городов влек расширение британцами фортов и увеличение гарнизонов. Например, к середине XVIII в. численность войск в Бомбее достигла 1600 солдат [Lawford, 1978. Р. 58].

Так появление у Компании фортов запустило процесс их превращения в новые центры политической силы – хотя до поры европейское присутствие оставалось «точечной оккупацией» [Braudel, 1979. Р. 621]. Соответственно, если формально компания обладала в Индии суверенитетом только в Бомбее, теперь она была склонна трактовать как суверенитет и свою экстерриториальность в фортах на континенте. Например, в 1740–1750-е годы британцы несколько раз давали понять бенгальскому *навабу* (мусульманскому правителю, формально наместнику Моголов), что не признают его власти над индийским населением Калькутты [Gupta, 1962. Р. 38–39]. Это при том, что юридически компания территорию города у *наваба* арендовала. А в 1739 г. она заключила договор о добрососедстве с первым министром (1720–40) Маратхской державы Баджи Рао I [A Collection..., 1812. Р. 477–482]. Несмотря на ряд уступок со стороны компании (таких, как отказ от права выдачи пропусков индийским судам), этот договор стал первым договором британской торговой фирмы на равных с крупной индийской политией.

Объективно рост центров президентств постепенно превращал их не только в экономических и демографических, но и в политических конкурентов индийских властных структур. Этому способствовал распад Могольской империи в первой половине XVIII в. С фактическим уходом имперского правительства центры президентств компании медленно, но неуклонно приближались к уровню влияния политий – преемниц султаната, таких как *навабства* Бенгалия (на северо-востоке) и Карнатик (на юго-востоке).

Данные процессы были бы невозможны без параллельного усиления позиций Ост-Индской компании в Англии (с 1707 г. Великобритания). На родине компания пользовалась постоянной поддержкой кабинета и парламента ввиду своего веса во внешней торговле страны, а еще более – своей роли в государственной кредитной системе. Это стало возможным благодаря «славной революции» 1688 г. и появлению у Англии национального долга, который превратил ее в «фискально-военное государство», способное изыскивать на военные нужды крупные суммы денег, главным образом путем долгосрочных займов [Crouzet, 2002. Р. 68]. Вместе с Английским банком (и какое-то время с Компанией южных морей) Ост-Индская компания стала одним из столпов этой системы и на протяжении большей части XVIII в. ссужала правительство крупными суммами. Уже при реорганизации компании в 1709 г. она предоставила ему весь свой капитал (3,2 млн ф. ст.) в виде консолидированного займа [Chaudhuri, 1978. Р. 20]. Соответственно, парламент несколько раз продлевал монопольную хартию компании, а в годы войн за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетней (1756–1763) оказывал ей помощь королевскими войсками и флотом.

2. Прорыв торговой корпорации во власть

Именно масштабный конфликт Британии с европейским военно-экономическим соперником – Францией – середины XVIII в. стал катализатором превращения Ост-Индской компании в территориальную державу. В Индии названные войны велись как войны двух компаний – британской Ост-Индской и французской Компании Индий. Обе торговые фирмы набрали крупные армии *сипаев* (индийских солдат) и развернули боевые действия на территории южноиндийских княжеств Карнатик и Хайдарабад. При

этом выяснилось, что в военном отношении европейские купцы уже на порядок сильнее индийских властителей. Показательным стало сражение под оккупированным французами Мадрасом 1746 г. Когда наваб Карнатика не без основания счел войну компаний на его территории самоуправством и послал войско навести порядок, французы отогнали его, ошеломив мушкетным и пушечным огнем.

Если не считать победу посланного Петром I князя А. Бековича над войском хивинского хана в 1717 г., победа французов под Мадрасом впервые продемонстрировала многократное превосходство европейской военной дисциплины и вооружения. Выйти из-за стен своих фортов, где европейцы укрывались от индийских властей, их заставила война друг с другом – и тут оказалось, что укрываться надо властям. Поэтому князья Южной Индии стали искать союза с европейцами, чтобы использовать их армии в междоусобных войнах. Европейские компании отреагировали на этот спрос на рынке военных услуг и стали, по сути, сдавать войска в аренду. В ходе войны на юге британцы в начале 1760-х годов не только одолели французов, но и поставили под контроль своего работодателя – наваба Карнатика (1751–95) Мухаммада Али. Купеческая корпорация диктовала свою волю правителю обширной области. Правда, до аннексии Карнатика в 1801 г. «державность» компании выражалась здесь лишь в наличии крупной сухопутной армии и косвенном сборе налогов через получаемую от наваба субсидию.

Беспрецедентный прорыв во власть компания в третьей четверти XVIII в. осуществила в другой стране Индии – Бенгалии.

В 1756 г. у руководства фактории в Калькутте возник конфликт с навабом (1756–1757) Сираджем-уд-даула. Видя, как европейцы на юге Индии ставят правителей в военную зависимость, он потребовал от британцев скрыть новые укрепления, перестать злоупотреблять *дастаком* (документ, освобождавший товары от пошлины) и выдать бежавшего под их защиту сторонника враждебной навабу придворной группировки. Однако калькуттский совет повел себя вызывающе, по сути бросив вызов власти Сираджа. Тот подступил к форту Уильям, и британцы в панике бежали вниз по реке.

Наваб не собирался изгонять британцев из Бенгалии вовсе, а хотел лишь вернуть в «начало игры», к положению простых купцов. На деле он спровоцировал их пойти ва-банк. На юге Индии компания выковала в боях с французами сильную армию, поэтому вернуться собиралась только на своих условиях. Переброшенная в Бенгалию, эта армия под командованием подполковника Р. Клайва разбила Сираджа в 1757 г. в сражении при Палашах. Исход боя решил не только военное превосходство европейцев, но и подкуп $\frac{3}{4}$ бенгальского войска бенгальским же купечеством. К этому времени на Ост-Индскую компанию оказался завязан слишком большой сегмент экономики страны, и местные купцы не могли позволить себе лишиться ключевого торгового партнера. Им было легче поменять наваба. Так экономическая сила компании плавно перетекала в политическую.

Посадив на трон нового наваба (1757–1760, 1764–1765) Мир Джафара, Клайв заверил его, что компания не собирается вмешиваться в управление и ее забота в Бенгалии – лишь торговля, ее «надлежащая область деятельности и единственная цель» [Indian Constitutional Documents, 1948. P. 2]. Подполковник не лицемерил, но процесс превращения компании в правителя Бенгалии уже запущен, какие бы скромные цели ни ставили сами британцы. В Калькутте поняли: получив небывалые экономические выгоды силовым путем, только так же компания сможет их удержать.

Эти выгоды сводились в конечном счете к доступу к бенгальской казне. Новый наваб продолжал нуждаться в военной защите компании, поэтому стал ежемесячно платить ей 1,1 лакха² рупий [Marshall, 1987. P. 83]. Если раньше компании приходилось погашать военные расходы из торговых прибылей, теперь это делали за нее индийские налого-

² Лакх – число 100 тыс. в индийской традиционной математической системе.

плательщики. Более того, компания смогла переливать средства в обратном направлении – из внекоммерческой сферы в коммерческую, на торговые операции. Получение внеэкономического источника доходов позволило ей резко сократить импорт в Индию серебра, а его импорт в Бенгалию прекратить вовсе: на покупку товаров страны компания стала тратить ее же деньги. В 1757–1785 гг. она вывезла намного больше серебра в свою факторию в Бенкулу на Суматре, чем во всю Индию [Bowen, 2006. P. 224].

Кроме того, доступ к власти позволил компании широко злоупотреблять дастакком, причем теперь никто ей и слова не мог сказать. В довершение всего на участии компании в перевороте и ее последующих действиях в сфере власти ее служащие хорошо нажились лично: получали богатые подарки от навабов и знати. В 1757–1772 гг. их общая стоимость составила около 2,5 млн ф. ст. [Marshall, 1976. P. 179].

Переворот Палаша обернулся революцией: власть бенгальских навабов стала переходить в руки европейской торговой корпорации. К 1757 г. компании недоставало в Бенгалии только политической власти, соразмерной ее экономическому влиянию и военной мощи. Поэтому, когда бенгальские заговорщики использовали ее в своих интересах, компания взяла намного больше власти, чем они рассчитывали.

Опираясь на свое военное превосходство, компания налагала на Мир Джафара все новые финансовые обязательства. Когда он перестал уступать, она сменила его на Мир Касима (1760–1764), который передал ей на откуп три доходных округа и погасил долг перед нею. Однако поскольку терпение Мир Касима оказалось тоже не безграничным, британцы в короткой войне разбили его и выдворили из Бенгалии, вернув Мир Джафара. По договору 1765 г. с сыном последнего компания по сути отправила наваба на пенсию: заставила передать управление своему ставленнику (пока это был еще индеец – Реза-хан), которого, в свою очередь, контролировал британский резидент (формально посол). Кроме того, компания установила контроль над внешней обороной Бенгалии и над ее налоговой системой: назначение и смещение окружных *мутасадди* (налоговых чиновников) подлежало одобрению губернатора и совета Калькутты. Рупии калькуттской чеканки получили право свободно ходить по стране наравне с теми, что чеканились на монетном дворе наваба в его столице Муршидабаде [A Collection..., 1812. P. 40–42]. Компания становилась альтернативным правительству страны эмиссионным центром.

Так британская купеческая корпорация начала превращаться в индийскую территориальную державу³. Этому способствовало соединение двух логик: логики развития самой компании, готовой использовать любые источники дохода ради увеличения прибыли, и логики внутрииндийского хода событий. Дело в том, что с конца XVII в. в Южной Азии набирал силу процесс «коммерциализации власти» (термин кембриджского индолога К. Бэйли), благодаря которому торговля, власть, военное дело и откуп налогов оказались тесно переплетены, и крупному предпринимателю стало необходимо действовать во всех этих сферах сразу [Bayly, 1988. P. 46]. Ост-Индская компания вписалась в этот процесс, пожалуй, лучше самих индийских акторов (правителей и купеческих домов) – благодаря своей гибридной природе. Залогом ее успешной конкуренции с ними были ее военная сила (включая морской флот), масштабный импорт в Индию серебра и экспорт тканей, эффективные методы сбора налогов и наличие доходов далеко за пределами Индии вследствие включенности в многостороннюю систему торговли.

³ С этого же времени под воздействием успешных войн с Францией аналогичным образом начал меняться характер Британской империи в целом: ее торговый характер стал уступать место политическому. В 1762 г. при обсуждении условий мирного договора с Францией в Британии высказывались мнения, что предпочтительнее забрать у французов не Канаду, а их ценные в коммерческом отношении колонии в Вест-Индии. Однако возобладала точка зрения военного министра У. Питта-старшего, стоявшего за экспансию в Северной Америке. «Эта близорукая расчетливость потерпела поражение от мощной новой империалистической тенденции, одержавшей убедительную победу над идеей простой торговой и налоговой эксплуатации колоний. Возникло понятие мировой морской империи» [Dehio, 1962. P. 120].

Кстати, эта включенность стала важным фактором, толкнувшим компанию к диверсификации источников доходов. После 1760 г. резко упала добыча золота в Бразилии (с 15 до 5 т в год), а рост добычи серебра в альтернативном источнике драгоценных металлов – Мексике – возобновился лишь с 1775 г. Именно в этом контексте флуктуаций в мировой экономике следует рассматривать британскую экспансию в Индии второй половины XVIII в. [Frank, 1978. P. 116, 150]. Поскольку Ост-Индская компания была экономическим феноменом мирового уровня, неудивительно, что к захвату власти в отдельно взятой стране ее подтолкнули экономические колебания в противоположной части земного шара.

В 1765 г. компания подкрепила свои политические позиции в Индии, заставив могольского императора (1759–1806) Шаха Алама II назначить ее саму на должность *дивани* (сборщика налогов) Бенгалии. Это стало возможным после того, как британцы разбили напавшего на Бенгалию наваба (1754–1775) соседнего Авадха Шуджу-уд-даула, в свите которого и находился император. В ту пору могольские шахи окончательно стали марионетками группировок знати, но юридически по-прежнему были источником всех пожалований. Захватив Могола в плен, британцы не упустили случая легитимизировать свой прорыв во власть. Получив право *дивани*, европейская коммерческая фирма официально стала налоговым чиновником (что необычно – коллективным) и заняла место в имперской административной иерархии. В Могольской империи каждую провинцию возглавляли два теоретически независимых друг от друга чиновника: наваб (*назим*) осуществлял военную власть и уголовную юрисдикцию, а дивани – сбор налогов и юрисдикцию гражданскую. Обретение дивани избавило компанию от необходимости каждый раз давить на наваба с целью вырвать нужную сумму. Компания стала законным образом получать с каждой поступающей в казну рупии 10 *ана*⁴, а наваб – остальные 6 [Ghulam Husein, 1898. P. 386]. Не упустила она и разбитого наваба Авадха: заставила его (пусть пока и от имени бенгальского наваба) заключить военный союз, т.е. вступила в отношения с соседней политией как полития же.

Став диваном, компания была вправе посадить своих людей на сбор налогов. Однако вместо этого она ввела систему «двойного управления»: семь лет (1765–1772) просто получала налоги Бенгалии, которые собирал для нее старый административный аппарат. Во-первых, тот же Клайв отдавал себе отчет в том, что прямое превращение компании в правителя одной из стран Индии вызовет протесты европейских держав [Indian Constitutional Documents, 1948. P. 9]. Несмотря на победу в Семилетней войне (которая была переломом в англо-французской «Второй Столетней войне» 1689–1815 гг.), Британия еще не обладала в Европе бесспорным перевесом сил. Во-вторых, указанное семилетие стало для компании испытательным сроком.

Это был переходный период от купца к державе-купцу. В 1760-е годы у компании еще не было в Бенгалии достаточного числа служащих, чтобы заполнить административный аппарат, а у служащих – соответствующей квалификации. Одно дело – торговать или даже стоять за тронem, другое – управлять и нести за это ответственность. Ко второй ипостаси требовалось привыкнуть и подготовиться. Экономическим выражением этой турбулентной ситуации стал конфликт двух компонентов деятельности компании – ее интересов как (становящегося) правителя Бенгалии и как торгового монополиста в этой стране. Наиболее дальновидные представители компании предупреждали, что противоположность друг другу этих интересов чревата разорением и компании, и страны [Indian Constitutional Documents, 1948. P. 10–12].

Примирение этих интересов требовало от компании подойти к экономике, по сути, собственного владения более ответственно. Для этого следовало окончательно отодвинуть наваба. В 1772 г. совет директоров велел упразднить систему «двойного управления». По

⁴ Монета в $1/16$ часть рупии.

приказу губернатора Калькутты (1772–1774) У. Хейстингса Реза-хан и два его заместителя были арестованы по обвинению в хищениях и судимы, но оправданы: обвинение послужило британцам лишь предлогом для коренной реформы управления [*Видьявачаспати*, 1956. С. 47]. Сбором налогов и отправлением гражданского правосудия занялись чиновники-британцы. Губернатор Калькутты и его совет стали высшей судебной инстанцией и для уголовных судов. Показательно, что в том же году Хейстингс отменил дастак.

Переориентация компанией на себя всех ветвей власти в Бенгалии в целом завершила ее становление как индийской державы. Важно, что к этому времени компания набрала необходимое для этого количество служащих (а те – необходимый опыт). Если в 1750-е годы в Бенгалии насчитывалось около 70 служащих компании, к 1773 г. их численность достигла 250 человек [*Marshall*, 1976. Р. 15]. Еще важнее то, что британский купец свыкся с ролью бенгальского правителя.

Чтобы запустить процесс трансформации Ост-Индской компании в политику, британцам было достаточно установить контроль над какой-то одной страной Индии – главное было начать. Говоря языком американского экономиста У.У. Ростоу, конец 1750-х – начало 1770-х годов в Бенгалии стали для компании периодом взлета (*take-off*) к сущности политики. Это был качественный скачок, после которого процесс стал самоподдерживающимся.

Дальнейшая история Ост-Индской компании как политики – история детализации административной системы в ее владениях и история территориальной экспансии с целью перевести в разряд этих владений максимально возможную часть Южной Азии.

Основные реформы управления были проведены в конце XVIII – начале XIX в. Согласно земельно-налоговой реформе 1793 г. генерал-губернатора (1786–1793) маркиза Корнуоллиса, в Бенгалии и Южной Индии были введены две разные системы землеустройства. Согласно его же административной реформе в духе английского философа Дж. Локка (1632–1704) с его идеей разделения властей, сбор налогов был отделен от суда.

Собирателем земли индийской компания выступала на протяжении более долгого периода, с середины XVIII по середину XIX в. В результате четырех войн с южноиндийским княжеством Майсур, трех – с союзом маратхских политий и двух – с империей сикхов в Панджабе, а также череды аннексий, в том числе вполне лояльных ей княжеств (Карнатик, Авадх и др.), она стала ведущей державой субконтинента. Из торгово-территориальных единиц ее президентства превратились в административно-территориальные, осуществляя политическую власть над всем населением соответствующих регионов. Со своими контрагентами-политиями компания вела себя всецело как еще одна полития Индии, со своими территориальными интересами, заботами об обороне границ и т.д. (подр. см.: [Фурсов К., 2006. С. 184–266]). Когда в 1803 г. британцы отняли у маратхов Дели и Шах Алам II перешел под их контроль окончательно, компания добилась от него нового назначения: заставила передать ей имперский титул *вакиль-уль-мутлак* (полномочного регента). Так компания поднялась еще на одну, предпоследнюю, ступень в иерархии Могольской империи (выше стоял только шах). Это было сделано, чтобы узаконить завоевания британцев во второй англо-маратхской войне 1803–05 гг. Для внедрения в сферу власти в Индии компания продолжала использовать индийские же институты.

Уже к 1830 г. британская Ост-Индская компания правила страной с населением 101 млн человек и площадью 513 тыс. кв. миль [*Maddison*, 2001. Р. 112, table 2–29]. Законодательный совет генерал-губернатора в Калькутте издавал для Индии законы, Исполнительный совет эти законы исполнял, а судебные органы компании и короны отправляли правосудие. Британская Индия делилась на *дистрикты* (округа) во главе с *коллекторами* (сборщиками налогов) и *магистратами* (уголовными судьями). Вкраплениями в Британской Индии существовали зависимые от нее княжества под надзором резидентов.

3. Реакция британского государства

Сущность Ост-Индской компании как политики отражалась не только в том, что она накопила некоммерческие черты и в середине XVIII в. пустила их в ход ради рывка во власть в Индии. Отражалась она и в том, что британское государство остро почувствовало в компании властного конкурента. Став правителем Бенгалии, компания, по сути, трансформировала дарованное ей короной и парламентом самоуправление (уже имеющуюся власть над собственными служащими) в политическую власть над населением целой азиатской страны. Население Англии и Уэльса в 1771 г. составляло 7 млн человек [Deane, Cole, 1962. P. 6, table 2], Бенгалии значительно больше – около 30 млн. Армия Британии в 1764 г. насчитывала 45 тыс. человек [Mallinson, 2011. P. 158], «туземная» часть бенгальской армии Ост-Индской компании к 1768 г. сопоставимо – 25 тыс. сипаев [Marshall, 1987. P. 94]. В середине XVIII в. Ост-Индская компания – британский подданный – стала неподвластной собственному государству в своем индийском качестве. У Британии имелся механизм контроля компании как корпорации лондонских купцов (продление хартии на торговую монополию), но не было механизма контроля ее же как индийского правителя.

На аномалию, при которой торговая фирма безраздельно правит целой азиатской страной (Бенгалией), британские правящие круги обратили внимание довольно быстро. К тому же выходцы из компании стали угрожать политическим позициям земельной аристократии в самой Британии. В 1760-е годы сказочно разбогатевшие в Индии служащие компании стали возвращаться на родину; в британском обществе их издевательски величали «набомами» (искаж. от «наваб»). Многие из них перекупали места в палате общин, оттесняя представителей знати и вызывая у них раздражение. В 1784–90 гг. таких депутатов-нуборишей набралось уже 45 человек (при общей численности палаты в 558 членов) [James, 1997. P. 48]. Более того, в британском обществе стали опасаться, что такие люди и вообще Ост-Индская компания могут «заразить» страну восточными методами управления и попортить ее свободы. К тому же политические партии Британии стремились сами получить доступ к индийским ресурсам. Ко всем этим противоречиям добавлялось геополитическое: став бенгальским правителем, компания выступила как континентальная держава внутри Британской морской империи.

Предлогом для начала вмешательства парламенту послужили экономические злоупотребления компании. Весть о приобретении ею дивани Бенгалии вызвала скачок стоимости акций со 164 пунктов в 1766 г. до 273 в 1767 г., и акционеры проголосовали за повышение дивиденда с 6 до 10, а вскоре и до 12,5%. Это безответственное, выгодное спекулянтам решение ударило по репутации компании в финансовых кругах [Sutherland, 1952. P. 141, 146].

Сначала, в 1767 г., парламент по акту канцлера казначейства (1766–1767) Ч. Тауншенда обязал компанию ежегодно платить 400 тыс. ф. ст. Эти выплаты были четко увязаны с ее правом на Бенгалию, т.е. государство, по сути, обложило компанию данью. Казначейство намеревалось за ее счет поправить свои дела после Семилетней войны, которая ввергла Британию в самую длительную в XVIII в. экономическую депрессию 1765–69 гг. [Ashton, 1959. P. 173, table].

Затем, в 1773 г., правительство провело Акт о регулировании премьер-министра (1770–1782) Ф. Нортона, по которому государство создало рычаги воздействия на компанию: директора должны были выбираться не на один, а на четыре года, был вдвое повышен избирательный ценз акционеров, а Бомбейское и Мадрасское президентства были подчинены генерал-губернатору в Калькутте. Им становился действующий губернатор Бенгалии Хейстингс, но и он, и четыре его советника были назначены не директорами, а короной [Documents / Marshall, 1968. P. 111–115]. Высший судебный орган Британской Индии был выведен из-под юрисдикции компании вовсе: вместо муниципального суда в Калькутте учреждался королевский «Верховный суд правосудия в форте Уильям». Кроме того, госу-

дарство приступило к разъединению торговых и административных функций компании: ее налоговым и судебным чиновникам и их агентам запрещалась купля-продажа товаров.

Акт о регулировании был половинчатой мерой. Его следствием стала борьба в Калькутте сторонников компании (генерал-губернатор У. Хейстингс и один из его советников) и государства (Ф. Фрэнсис и два других советника). Хейстингс победил, но против компании работало время. Смирившись в 1783 г. с потерей североамериканских колоний, Британия уже в следующем году компенсировала ее себе контролем над азиатской империей своей Ост-Индской компании. В 1784 г. парламент принял Индийский акт премьер-министра (1784–1801) У. Питта-младшего. Над советом директоров компании был надстроен правительственный орган – Контрольный совет, задачей которого было надзирать за всей некоммерческой деятельностью компании на Востоке: налоговой, административной, военной, дипломатической. Совет директоров обязывался «следовать тем приказам и предписаниям, которые он будет время от времени получать от упомянутого совета относительно гражданского или военного управления и налогообложения территориями и владениями упомянутой Объединенной компании в Ост-Индии» [*Hansard's Parliamentary History...*, XXIV. P. 415–416]. Король получил право смещать генерал-губернатора, губернаторов Бомбея и Мадраса и их советников, а собрание акционеров не могло отменять или изменять приказы совета директоров после их одобрения королем (на практике – Контрольным советом). У директоров сохранялись торговля и патронаж – право назначать всех служащих компании (это служило директорам источником основного дохода).

Так, в 1784 г. в управлении Британской Индией установилась система диархии (двоевластия): государство и Ост-Индская компания стали партнерами в управлении Индией, причем неравноправными. Следует оговориться, что смотреть на акт Питта как на попытку Уайтхолла контролировать компанию в интересах государства будет несколько упрощением, осовремениванием ситуации. Политика XVIII в. не знала таких вещей, как беспристрастный контроль со стороны гражданской службы или четкое разделение государственных и частных интересов. И в компании, и в палате общин существовало много групп интересов, боровшихся за должности и патронаж [*Nightingale*, 1970. P. 8]. И все же, особенно в ретроспективе, акт Питта утвердил верховенство государства над компанией. Он определил принципы управления Индией до его перехода непосредственно к короне в 1858 г. В истории капитализма британская Ост-Индская компания стала первым частным предприятием с государственным регулированием.

Поставив компанию как политику под государственный контроль, парламент «подсластил пилюлю», приняв еще один закон для нее уже как торговой организации. Это был Акт о замене (*Commutation Act*) 1784 г., который вдeсятеро (со 119 до 12,5%) сократил пошлину на ввозимый компанией китайский чай⁵.

Конец XVIII – первая половина XIX в. ознаменовались в истории компании одновременно ее неуклонным наступлением в Индии и отступлением в Британии. В Индии происходило качественное (через реформы управления) и количественное (через территориальную экспансию) усиление контроля компании над местными обществами. В Британии же государство посредством регулярных актов парламента поэтапно присваивало административные полномочия компании. Получалось, что империю в Индии компания объективно строила не для себя. (Правда, юридически она выступала правителем индийских

⁵ Этот закон имел всемирно-экономическое значение. В торговле Британии с Азией он привел к резкому росту британского импорта чая. Поскольку Ост-Индская компания закупала чай на средства от сбыта в том же Китае бенгальского опиума и гуджаратского хлопка-сырца, получило импульс и их производство. Это, в свою очередь, толкнуло развитие Бомбея и военную экспансию компании в Индии. Потребность в перевалочном пункте на пути в Китай заставила компанию арендовать у султанов Малайи острова Пинанг в 1786 г. и Сингапур в 1819 г. В довершение всего, увеличив предложение чая, Акт о замене вызвал рост спроса на сахар: стимулировал его производство в Вест-Индии, а значит и вывоз рабов из Африки.

территорий вовсе не по милости британского парламента, а согласно пожалованиям могольских шахов, пусть и вырванным под ее давлением.) Так, по Акту о хартии компании 1813 г. назначение директорами генерал-губернатора, губернаторов и главнокомандующих войсками президентств стало подлежать одобрению короной, а Контрольный совет получил право надзирать за учебными заведениями компании. По акту 1833 г. парламент наделил себя правом издавать законы для Индии и отменять акты генерал-губернатора. В 1853 г. число директоров компании было сокращено вдвое (до 12), зато к нему добавили шесть директоров, которые назначались и смещались короной [*Hansard's ... Third Series*, СХХVII. Р. 1156]. Также у директоров забрали гражданский патронаж: замещение постов в индийской администрации должно было происходить на основе неограниченной конкуренции выпускников университетов, а не назначений среди выпускников колледжа компании в Хейлибери. Споры по вопросам управления Индией при генерал-губернаторе (1848–1856) маркизе Далхузи фактически были уже спорами между правительством и его служащими в Индии через голову директоров.

Параллельно парламент под влиянием крепнущей промышленной буржуазии вел наступление на экономические привилегии компании: в 1793 г. обязал ее выделять часть тоннажа своих судов для перевозки на Восток британской фабричной продукции (что вредило интересам компании, так как опиралась она, напротив, на сбыт в Европе индийских тканей); в 1813 г. в условиях тяжелой континентальной блокады Наполеона отменил монополию компании на торговлю с Индией; в 1833 г. сделал то же с ее монополией на торговлю с Китаем, а в Индии вообще запретил компании торговать, т.е. заниматься исконным делом. В Индии компания осталась исключительно административной структурой.

Сделочную позицию компании ослабляли ее ухудшавшиеся финансы. Развитие промышленной революции в Британии и вытеснение продуктов индийского ремесла с европейских рынков, высокие расходы на управление и войны в Индии, трудности перевода индийского долга компании в Европу – все это било по торговой составляющей ее деятельности. Если до 1770-х годов компания была кредитором правительства, то с конца XVIII в. ей самой пришлось брать у него займы. Так, в 1810 и 1812 гг. они составили 1,5 млн и 2,5 млн ф. ст. соответственно [*Bowen*, 2006. Р. 36].

Власть Ост-Индской компании над Индией парламент отменил в 1858 г. Предлогом послужило мощное антибританское восстание в Хиндустане (Северной и Центральной Индии) 1857–59 гг., ударную силу которого составили сипайские части армии компании. В реальности компанию сделали в Британии козлом отпущения, так как индийскую политику она давно уже не определяла. Функции совета директоров и Контрольного совета были переданы министерству по делам Индии (*India Office*). Реверансом в сторону компании было учреждение при министре совета в составе 15 пожизненных советников, семь из которых должны были выбрать директора (в дальнейшем – сам совет).

Ост-Индская компания просуществовала до 1874 г. как обычное акционерное общество, но дивиденды ей выплачивались государством, причем из доходов некогда подвластной ей страны (это было предусмотрено еще актом 1833 г.).

4. Ост-Индская компания как квазигосударство?

Итак, на протяжении своей более чем 250-летней истории Ост-Индская компания была не только торговой корпорацией, которая весьма содействовала развитию капитализма у себя на родине, но и властной структурой, которая сто лет правила огромной страной Азии. Недаром генерал-губернатор (1844–1848) виконт Хардинг в 1845 г. гордо писал, что он и его сосед, император Поднебесной, вместе правят примерно половиной народов мира [*Hardinge*, 1986. Р. 105].

Сущностью державы-купца двойственность Ост-Индской компании не исчерпывалась. Она была не просто полупромышленником-полуправителем. В рамках своей ипостаси правителя компания имела черты принципиально разных категорий политики. С одной стороны, это были черты патримонии, патримониального княжества. К ним следует отнести авторитарный характер власти генерал-губернатора и губернаторов (период британского правления в Индии до реформ Монтегю – Челмсфорда 1919 г. и вошел в историю как период автократии), ориентацию князей и крупных землевладельцев на генерал-губернатора как на конкретный источник милостей (что поощряли сами британцы) и т.д. Неслучайно, по свидетельству английского путешественника виконта Валенсия (1770–1844), побывавшего в Индии в самом начале XIX в., индийцы считали Ост-Индскую компанию знатной пожилой дамой, а всех генерал-губернаторов – ее сыновьями [Суворова, 1995. С. 228]. Одной из главных черт патримонии называют именно фокусирование лояльности подданных на личности правителя. Свои патримониальные черты компания усиливала, добываясь от могольских шахов и навабов Карнатика и Бенгалии традиционных видов пожалований – титулов, должностей, *джагиров* (земельных держаний за службу). Вростание *Компани Бахадур* («Почтенная компания» на языке урду) в индийскую политическую систему делало ее в глазах индийцев таким же центром силы, какими были в Индии остальные центры. Во многом заимствованные компанией у Моголов методы управления и восприятие ее индийцами как персонализированной патримонии позволяют говорить о некоей однотипности политики компании другим индийским политиям.

С другой стороны, западное происхождение компании гарантировало ей наличие черт государства. Как подчеркнул голландско-израильский политолог М. ван Кревелд, на протяжении большей части мировой истории существовало управление (*government*), но не государства (*states*). Государство – понятие абстрактное. Оно есть корпорация, которая не тождественна ни правителю, ни подданным и институционально отделена от всех прочих сфер общества [Crevelde, 1999. P. 1]. Будучи «всего лишь одной из многих форм постпервобытной социально-политической организации» [Бондаренко и др., 2006. С. 17], возникло государство в Западной Европе в середине XVII в. как раз с рождением капитализма, т.е. с вычлениением эксплуатации экономического типа [Фурсов А., 1998. С. 41–42], и с четким отделением понятия власти от ее носителя. Ост-Индскую компанию с государством роднят такие черты, как абстрактность понятия (недаром правителя Могольской империи первой половины XVII в. Шаха Джахана озадачивал термин «Ост-Индская компания») и наличие безличных правил функционирования бюрократической (в духе немецкого социолога М. Вебера) машины.

В отношениях компании с индийцами эта двойственность внутри властной «половинки» природы компании, эта гибридность внутри гибридности обернулась плюсом. Патримониальные черты компании, маскировка под индийские политии сделали ее конкурентоспособной в борьбе за власть с ними и позволили в конечном счете подчинить все другие княжества. Государственные черты компании, такие как упор на верховенство закона (институционально-юридический фактор), привлекли к ней ключевые социальные группы индийского общества – часть князей, крупных землевладельцев, чиновничества и купечества. (В советской историографии их клеймили как национальных предателей, но это подход примитивен). Эти группы, например, в ходе конфликта компании с Майсуром, поняли, что она может предложить им более эффективную защиту их торговых и налоговых привилегий, чем их собственные правители [Stein, 1998. P. 210–211]. Так компания «взорвала» многие вражеские княжества (Майсур, Вадодару, Пуне, Панджаб) изнутри, выиграв у их правителей конкуренцию за лояльность названных групп.

Другой аспект «государственной» природы Ост-Индской компании – ее упомянутая абстрактность и безличность. Поэтому компания была неуязвима для обычного механизма образования патримониальных политий, который в исламском мире обозначали арабским словом *фитна* («мятеж»). Поскольку в отсутствие государства-нации суверенитет – лишь

вопрос лояльностей, патримониальная политика, как правило, была структурой открытой, с размытыми, принципиально подвижными и меняющимися границами [Wink, 1986. P. 22–28]. Специалист по теории систем противопоставил бы патримониальную политику национальному государству как объединение – системе (см.: [Петрушенко, 1971]). Неслучайно для маратхов в ходе их войн с компанией большую проблему представляло то, что они не могли расколоть ряды британских командиров и резидентов так же, как в свое время – чиновников Могольской империи (играя на их противоречиях) [Bayly, 1988. P. 101]. Если индийские политики можно уподобить сложносоставным молекулам, которые относительно легко перетягивали друг у друга образующие их атомы (меняя свою конфигурацию подобно калейдоскопу), то компания представляла собой молекулу-монолит. Пытаться расколоть ее было бессмысленно.

Однако в отношениях с государством (политией на родине) расщепленность властных черт компании на патримониальные и государственные оказалась минусом. Патримониальность привела в третьей четверти XVIII в. к неприятию в британском обществе (особенно правящем слое) «набобов» и давала аргументы тем, кто обвинял компанию в привнесении в британскую политическую жизнь пагубного восточного влияния. Что касается государственных черт компании (самоуправление, законодательная, исполнительная и судебная власть над своими служащими, право учреждать муниципалитеты и т.д.), то они сами исходили от английского / британского государства. В этом компания была лишь его эманацией, дочерним образованием, поэтому она была открыта для регулирования. Неслучайно веским аргументом сторонников реформ служил тот, что в 1773 г. озвучил член палаты общин Дж. Сент-Джон: есть существенное различие между правами, полученными компанией по хартии, и изначальными конституционными правами (которыми компания не обладает) [Hansard's Parliamentary History..., XVII. P. 899]. Иными словами, парламент дал – парламент и взял. Правда, защитники компании – тоже резонно – настаивали, что все полученные от парламента хартии были по сути ей проданы (за крупные займы казначейству). Так, в 1730 г. парламент продлил ее торговую монополию на 36 лет, по сути, в обмен на разовую выплату 400 тыс. ф. ст. [Cobbett's Parliamentary History..., 1811. P. 801].

Противоречия между компанией и государством не следует абсолютизировать. Два эти «организма» не были друг для друга непроницаемыми. Группы интересов нередко проходили сквозь их «границы». Так, фракции директоров и акционеров компании заключали неформальные союзы с той или другой из основных политических партий Британии – тори и вигов. Политические деятели покровительствовали деятелям компании, а те в обмен оказывали им разные услуги, в том числе голосовали как надо в парламенте и пристраивали их клиентов на доходные места в компании. А в 1785 г. даже такой поборник самостоятельности компании, как Хейстингс, назвал Британию «государством-родителем» ее бенгальских владений [Hastings, 1978. P. 21]. Конечно, несмотря ни на какое давление со стороны правительства, чиновники компании в Индии не помышляли о сецессии наподобие североамериканских колоний. Когда Хейстингс в 1785 г. огорченно подал в отставку и у французского посла в Лондоне родился проект предложить ему стать независимым правителем Индии при поддержке Франции, этот проект был заведомо обречен на неудачу. Впрочем, французское правительство и не решилось его предлагать.

Но все же в целом политическая конкуренция компании с государством – объективный факт. Неслучайно при любых предложениях правительства с целью ограничить самостоятельность компании совет директоров активно мобилизовывал «ост-индское лобби» в парламенте, особенно в моменты продления им ее хартии в 1793, 1813, 1833 и 1853 гг. Термин «продление хартии», что любопытно, применяли в то время уже больше к продлению власти компании в Индии, чем ее торговой монополии (которая в 1813 и 1833 гг. была демонтирована). Это лишний раз показывает переплетение коммерческих и властных аспектов деятельности компании.

Факт конкуренции государства и Ост-Индской компании очевиден и «с другой стороны» – в натиске государства с целью ограничить ее самостоятельность. На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. государство постепенно «заполняло» компанию собой, подминало ее, «выхолащивало» ее собственное политическое содержание. К середине XIX в., накануне лишения компании власти, от нее осталась «пустая скорлупа». (В такую же «скорлупу» сама она превращала индийские княжества, одновременно «залезая» внутрь них и поглощая.) Экономической подоплекой этого процесса была сдача компанией позиций в восточной торговле в связи с потерей индийскими тканями рынков в Европе. Так, в 1800–1809 гг. вывоз компанией тканей из Бенгалии упал с 1,4 млн ф. ст. до 0,3 млн. [Kulke, Rothermund, 2018. S. 307]. Уже при председателе Контрольного совета (1793–1801) Генри Дандасе правительство фактически отняло у компании право выдвигать кандидатуры на высшие посты в президентствах. Генерал-губернаторами с этих пор становились, как правило, государственные деятели, а не служащие компании. За всю ее историю кроме Хейстингса на этот пост попали лишь трое ее служащих, да и их назначение было бы невозможным без согласия правительства. Более того, и воспринимали генерал-губернаторы себя назначенцами правительства, а не директоров. Так, Корнуоллис в письме *низаму* (мусульманскому правителю) Хайдарабада в 1789 г. писал, что властью его наделили король и парламент Англии [A Collection..., 1812. P. 125].

Когда британское государство в третьей четверти XVIII в. спохватилось, что купеческая корпорация занимается не своим делом, и в несколько этапов «навело порядок», конечный исход конкуренции был предрешен. Наиболее воинственные в отношении компании политики были убеждены, что истинное занятие компании – торговля, и старались ставить ее директоров «на место». Так, принципом четырежды председателя Контрольного совета (между 1828 и 1858 гг.) графа Элленборо было: «Я никогда не дам этим людям считать себя стоящими во главе государства!» [Imlah, 1939. P. 49]. Правда, когда он поехал в Калькутту в качестве генерал-губернатора (1842–44) и оказался их подчиненным, такое его поведение заставило директоров единственный раз применить свое право отзывать генерал-губернатора.

Конечно, вступив во властную конкуренцию на родине, компания не имела перспектив стать полноценным государством. Она могла выступать лишь минигосударством для собственных служащих и патримониальной державой для своих индийских подданных. Это сближает Ост-Индскую компанию с другой организацией, которую называют в числе альтернативных государству структур, – Тевтонским орденом. Он тоже был корпорацией с жесткой иерархией и дисциплиной, которая «оседлала» большой регион (Восточную Пруссию и Прибалтику) и долго им правила. Однако и Ост-Индской компании, и Тевтонскому ордену конкуренция с государством или сильной патримонией (соответственно с Британией и объединенными после Кревской унии 1385 г. Польшей и Литвой) оказалась не по зубам.

* * *

Британская Ост-Индская компания исходно обладала политическим потенциалом, так как для успешного ведения бизнеса английское государство делегировало ей часть суверенитета над своими подданными – ее служащими. Однако в течение первых полутора веков существования компании этот потенциал пребывал в «спящем состоянии». В середине XVIII в. благодаря сложившимся благоприятным условиям – распаду Могольской империи и англо-французским войнам – потенциал раскрылся. Случай помог реализации подготовленных планов, и ради максимизации прибыли компания распространила власть над собственными служащими-британцами на население крупной азиатской страны (Бенгалии). В результате она стала почти государством в государстве в Британии и элементом системы патримониальных княжеств в постмогольской Индии. Данное обстоятельство объективно вывело компанию в конкуренты обоих типов политий – и в Европе, и в Азии.

Конкуренция протекала довольно остро и завершилась по-разному. К середине XIX в. в отношении индийских патримоний компания убедительно взяла верх, а вот конкуренцию британскому государству, напротив, проиграла полностью. И то и другое в конечном счете было обусловлено промышленной революцией как завершением процесса, который в современной историографии называют «великим расхождением» Запада и Востока (см., напр.: [Pomeranz, 2000]). В Индии существовали несколько сильных политий, которые войны с компанией вели поначалу на равных, так как в духе Петра I создали «полки нового строя» и казенные военные мастерские (Майсур, некоторые княжества маратхов, Панджаб). Однако тягаться со страной – «мастерской мира» – они не смогли.

Не смог с ней тягаться и их покоритель – Ост-Индская компания. Экономической основой ее благополучия был импорт в Европу продукции индийского ткачества. Подъем британской фабрики поставил на этом процессе крест, и хотя компания с конца XVIII в. переориентировалась на китайский чай, через несколько десятилетий британские частные купцы потеснили ее и в этой сфере. Если в XVII–XVIII вв. компания находилась «на гребне» развития капитализма в своей стране, то в долгосрочную его (развития) логику она не вписывалась. Говоря языком представителя мир-системного подхода, итальянско-американского историка Дж. Арриги [Arrighi, 1994], британская Ост-Индская компания типологически принадлежала к ведущим организациям голландского системного цикла накопления капитала (конец XVI – третья четверть XVIII в.). Поэтому когда началась первая (материальная) фаза следующего, британского, цикла (его относят к середине XVIII – началу XX в.), компании в нем делать было нечего.

Будучи формой организации торгового капитализма, Ост-Индская компания оказалась неадекватна капитализму промышленному. Неслучайно к эпохе фритрейдерства она лишилась последних торговых привилегий. А будучи носителем административных функций, которые в зрелом капиталистическом обществе суть монополия государства, компания стала параллельной ему бюрократической структурой. Показательно, что к обсуждению вопроса компании в парламенте в 1853 г. петицию с жалобой на ее плохое управление (невыполнение кодификации законов, дискриминация местных жителей на службе и т.д.) впервые подали сами индийцы – жители Мадраса и Бомбея [Hansard's ... Third Series, CXXV. P. 41–42]. Показательно и то, что факт конкуренции государства со структурами типа Ост-Индской компании зафиксировал его первый теоретик Т. Гоббс (1588–1679) еще в середине XVII в., как только национальное государство начало формироваться в огне английской революции. Он назвал недугом «большое число корпораций, которые являются как бы множеством меньших государств (*Commonwealths*) в недрах одного большого» и даже сравнил их с «червями во внутренностях живого человека» [Hobbes, 1929. P. 256–257].

«Выполняя завет» Гоббса, государство по мере своего развития неуклонно сокращало число таких корпораций. Ост-Индская компания (вместе с Компанией Гудзонова залива, 1670–1870) оказалась среди них одной из наиболее живучих. Демонтирована она была, говоря языком другого представителя мир-системного подхода, американского историка И. Валлерстайна, лишь на пике британской гегемонии (1815–1873). В эту эпоху Британия больше не нуждалась в административных посредниках и могла руководить зависимыми территориями напрямую, разведя управление страной и управление бизнесом, что известно в социологии как «закон Лэйна» (см.: [Lane, 1979. P. 82–90]). Недаром, выступая в парламенте в 1833 г., английский историк Т.Б. Маколей (1800–59) назвал компанию «политическим чудовищем двойственной природы», «подданным в одном полушарии и сувереном в другом» [Hansard's ... Third Series, XIX. P. 509].

В изучении мировой экономической истории случай британской Ост-Индской компании важен как любопытный пример институциональной мутации. Он подчеркивает взаимозависимость и взаимопереход политической и экономической сфер жизни, что стало особенно очевидным в эпоху глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2006). Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель. С. 15–36.
- Петрушенко Л.Н. (1971). Самодвижение материи в свете кибернетики. Ч. I. М.: Наука.
- Суворова А.А. (1995). Ностальгия по Лакхнау. М.: Тадем.
- Фурсов А.И. (1998). Коммунизм как понятие и реальность // Русский исторический журнал. Т. I. № 2. С. 13–63.
- Фурсов К.А. (2006). Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Фурсов К.А. (2016). Ост-Индские компании: двигатель и тормоз капитализма // Финансы и бизнес. № 2. С. 119–130.
- Arrighi G. (1994). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L.; N.Y.: Verso.
- Ashton T.S. (1959). *Economic Fluctuations in England, 1700–1800*. Oxford: Clarendon Press.
- Bayly C.A. (1983). *Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Bayly C.A. (1988). *Indian Society and the Making of the British Empire / The New Cambridge History of India*. Vol. II.1. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bowen H.V. (2006). *The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756–1833*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Braudel F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. 3 t. P.: Armand Colin. Т. III.
- Chaudhuri K.N. (1978). *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Cobbett's Parliamentary History of England. L.: T.C. Hansard, 1811. Vol. VIII (A.D. 1722–33).
- A Collection of Treaties and Engagements with the Native Princes and States of Asia Concluded, on Behalf of the East India Company, by the British Governments in India; also Copies of Sunnuds, or Grants, of Certain Privileges and Immunities to the East India Company by the Mogul, and Other Native Princes of Hindustan (1812). L.: Cox and Son, 1812.
- Creveld M. van (1999). *The Rise and Decline of the State*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Crouzet F. (2002). Mercantilism, War and the Rise of British Power // *Two Hegemonies: Britain 1846–1914 and the United States 1941–2001* / Ed. by P.K. O'Brien and A. Clesse. Aldershot: Ashgate. P. 67–85.
- Documents / Marshall P.J. (1968.) *Problems of Empire: Britain and India, 1757–1813*. L.: Allen and Unwin.
- Das Gupta A. (2001). Trade and Politics in Eighteenth-century India // *Das Gupta A. The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800. Collected Essays* / Ed. by U. Das Gupta. Oxford etc.: Oxford University Press. P. 141–179.
- Deane P., Cole W.A. (1962). *British Economic Growth, 1688–1959*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dehio L. (1962). *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- The English Factories in India: A Calendar of Documents in the India Office, British Museum and Public Record Office*. 13 vols. (1618–69) / Ed. by W. Foster. Vol. I–II. Oxford: Clarendon Press, 1906–08.
- Frank A.G. (1978). *World Accumulation, 1492–1789*. N.Y.; L.: Monthly Review Press.
- Gupta B.K. (1962). *Sirajuddaulah and the East India Company, 1756–57*. Leiden: Brill.
- Hansard's Parliamentary Debates / Third Series* (1833, 1853). L.: T.C. Hansard, 1833–53. Vol. XIX, CXXV, CXXVII (A.D. 1833, 1853).
- Hansard's Parliamentary History of England*. L.: T.C. Hansard, 1813–15. Vol. XVII (1771–1774), XXIV (1783–1785).
- Hardinge H. (1986). *The Letters of the First Viscount Hardinge of Lahore to Lady Hardinge and Sir Walter and Lady James, 1844–1847* / Ed. by B.S. Singh. L.: Office of the Royal Historical Society, University College.
- Hastings W. (1978). *Memoirs Relative to the State of India*. Calcutta: M.L. Ghosh.
- Hobbes' Leviathan* (1929). Reprinted from the edition of 1651. With an essay by the late W.G. Pogson Smith. Oxford: Clarendon Press.
- Hunter W.W. (1919). *A History of British India*. 2 vols. L. etc.: Longmans, Green and Co. Vol. II.
- Ilbert C.P. (1898). *The Government of India: Being a Digest of the Statute Law Relating Thereto*. Oxford: Clarendon Press.
- Imlah A.H. (1939). *Lord Ellenborough: A Biography of Edward Law, Earl of Ellenborough, Governor-General of India*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Indian Constitutional Documents 1757–1939* (1948) / Ed. by A.C. Banerjee. 3 vols. 1948. Calcutta: A. Mukherjee. Vol. I. 1757–1858.
- James L. (1997). *Raj: The Making and Unmaking of British India*. L.: Little, Brown and Co.
- Kaye J.W. (1966). *The Administration of the East India Company: A History of Indian Progress*. Allahabad: Kitab Mahal.
- Keay J. (1991). *The Honourable Company: A History of the English East India Company*. L.: Harper Collins.
- Keith A.B. (1937). *A Constitutional History of India, 1600–1935*. L.: Methuen.

- Kulke H., Rothermund D. (2018). *Geschichte Indiens: Von der Induskultur bis heute*. München: C.H. Beck.
- Lane F.C. (1979). *Profits from Power: Readings in Protection Rent and Violence-controlling Enterprise*. Albany: State University of New York Press.
- Lawford J.P. (1978). *Britain's Army in India: From Its Origins to the Conquest of Bengal*. L. etc.: Allen and Unwin.
- Letters Received by the East India Company from Its Servants in the East* (1901) / Ed. by W. Foster. 6 vols. L.: Sampson Low, Marston and Co., 1901. Vol. V. 1617 (January to June).
- Maddison A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- Mallinson A. (2011). *The Making of the British Army: From the English Civil War to the War on Terror*. L. etc.: Bantam Books.
- Marshall P.J. (1976). *East Indian Fortunes: The British in Bengal in the Eighteenth Century*. Oxford: Clarendon Press.
- Marshall P.J. (1987). *Bengal: The British Bridgehead: Eastern India, 1740–1828* / *The New Cambridge History of India* II.2. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Nightingale P. (1970). *Trade and Empire in Western India, 1784–1806*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pomeranz K. (2000). *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- Roberts P.E. (1952). *History of British India under the Company and the Crown*. L.: Oxford University Press.
- Stein B. (1998). *A History of India*. Malden (MA): Blackwell.
- Sutherland L.S. (1952). *The East India Company in Eighteenth Century Politics*. Oxford: Clarendon Press.
- Wallerstein I. (2002). *Three Hegemonies // Two Hegemonies: Britain, 1846–1914 and the United States, 1941–2001* / Ed. by P.K. O'Brien and A. Klesse. Aldershot: Ashgate. P. 357–361.
- Wink A. (1986). *Land and Sovereignty in India: Agrarian Society and Politics under the Eighteenth-century Maratha Svarajya*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Видьявачаспати И. (1956). Бхарат мэ британш самраджья ка удай аур аст (Взлет и падение Британской империи в Индии). Дели: Атмарам энд санс. Т. I (хинди).
- Ghulam Husain, Salim (1898). *The Riyazu-s-Salatin (Сады султанов)*. Calcutta: Asiatic Society of Bengal (фарси).

Фурсов Кирилл Андреевич

kfursov@iaas.msu.ru

Kirill Fursov

Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow
kfursov@iaas.msu.ru

BRITISH EAST INDIA COMPANY: THE HISTORY OF AN INSTITUTIONAL MUTATION

Abstract. The article analyses the problem of dual, politico-economic, nature of one of the crucial enterprises of early capitalism – the British East India Company (1600–1874). The study focuses on its transformation in India from a merchant corporation into a territorial power in the eighteenth century. The author underlines the Company's initial hybridism and traces the fulfilling of its hidden power potential. This fulfilling turned the trading firm into a simultaneous competitor of two types of political structures, i.e. Indian patrimonies and British state. Treats of similarity of the Company with both these types are distinguished. On their basis the article explains the causes for the Company's victory over patrimonies and its loss to the state in the nineteenth century. The author concludes that the East India Company as a monopolistic trading organization was inadequate to industrial capital and the personifier of its function, i.e. the state. The case of the East India Company's institutional mutation stresses mutual dependence and mutual transition of the political and economic spheres of life which have become especially evident in the epoch of globalization.

Keywords: *East India Company, capitalism, polity, state, patrimony.*

JEL Classification: F54, N43, N45, N73, N75.

REFERENCES

- Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotaev A.V. (2006). *Al'ternativy sotsial'noi evolyutsii [The alternatives of social evolution] // Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi: Sb. st. [Early state, its alternatives and analogues: collection of articles] / pod red. L.E. Grinina, D.M. Bondarenko, N.N. Kradina, A.V. Korotaeva. Volgograd: Uchitel'. S. 15–36.*
- Petrushenko L.N. (1971). *Samodvizhenie materii v svete kibernetiki. Ch. I. [Self-motion of substance in the light of cybernetics. Part I]. M.: Nauka.*

- Suvorova A.A. (1995). *Nostal'giya po Lakkhnau [Nostalgia for Lucknow]*. M.: Tadem.
- Fursov A.I. (1998). *Kommunizm kak ponyatie i real'nost' [Communism as a concept and reality]* // *Russkii istoricheskiy zhurnal*. T. I. № 2. S. 13–63.
- Fursov K.A. (2006). *Derzhava-kupets: otnosheniya angliiskoi Ost-Indskoi Kompanii s angliiskim gosudarstvom i indiiskimi patrimoniyami [Power-merchant: the relations of the English East India Company with the English state and Indian patrimonies]*. M.: *Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK*.
- Fursov K.A. (2016). *Ost-Indskie kompanii: dvigatel' i tormoz kapitalizma [East India Companies: engine and brake of capitalism]* // *Finansy i biznes*. SPb. № 2. S. 119–130.
- Arrighi G. (1994). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L.; N.Y.: Verso.
- Ashton T.S. (1959). *Economic Fluctuations in England, 1700–1800*. Oxford: Clarendon Press.
- Bayly C.A. (1983). *Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Bayly C.A. (1988). *Indian Society and the Making of the British Empire / The New Cambridge History of India*. Vol. II.1. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bowen H.V. (2006). *The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756–1833*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Braudel F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. 3 t. P.: Armand Colin. T. III.
- Chaudhuri K.N. (1978). *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Cobbett's Parliamentary History of England*. L.: T.C. Hansard, 1811. Vol. VIII (A.D. 1722–33).
- A Collection of Treaties and Engagements with the Native Princes and States of Asia Concluded, on Behalf of the East India Company, by the British Governments in India; also Copies of Sunnuds, or Grants, of Certain Privileges and Immunities to the East India Company by the Mogul, and Other Native Princes of Hindustan*. L.: Cox and Son, 1812.
- Crevelde M. van (1999). *The Rise and Decline of the State*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Crouzet F. (2002). *Mercantilism, War and the Rise of British Power // Two Hegemonies: Britain 1846–1914 and the United States 1941–2001* / Ed. by P.K. O'Brien and A. Clesse. Aldershot: Ashgate. P. 67–85.
- Documents / Marshall P.J.* (1968.) *Problems of Empire: Britain and India, 1757–1813*. L.: Allen and Unwin.
- Das Gupta A. (2001). *Trade and Politics in Eighteenth-century India // Das Gupta A. The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800. Collected Essays* / Ed. by U. Das Gupta. Oxford etc.: Oxford University Press. P. 141–179.
- Deane P., Cole W.A. (1962). *British Economic Growth, 1688–1959*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dehio L. (1962). *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- The English Factories in India: A Calendar of Documents in the India Office, British Museum and Public Record Office*. 13 vols. (1618–69) / Ed. by W. Foster. Vol. I–II. Oxford: Clarendon Press, 1906–08.
- Frank A.G. (1978). *World Accumulation, 1492–1789*. N.Y.; L.: Monthly Review Press.
- Gupta B.K. (1962). *Sirajuddaullah and the East India Company, 1756–57*. Leiden: Brill.
- Hansard's Parliamentary Debates / Third Series*. L.: T.C. Hansard, 1833–53. Vol. XIX, CXXV, CXXVII (A.D. 1833, 1853).
- Hansard's Parliamentary History of England*. L.: T.C. Hansard, 1813–15. Vol. XVII (1771–1774), XXIV (1783–1785).
- Hardinge H. (1986). *The Letters of the First Viscount Hardinge of Lahore to Lady Hardinge and Sir Walter and Lady James, 1844–1847* / Ed. by B.S. Singh. L.: Office of the Royal Historical Society, University College.
- Hastings W. (1978). *Memoirs Relative to the State of India*. Calcutta: M.L. Ghosh.
- Hobbes' Leviathan* (1929). Reprinted from the edition of 1651. With an essay by the late W.G. Pogson Smith. Oxford: Clarendon Press.
- Hunter W.W. (1919). *A History of British India*. 2 vols. L. etc.: Longmans, Green and Co. Vol. II.
- Ilbert C.P. (1898). *The Government of India: Being a Digest of the Statute Law Relating Thereto*. Oxford: Clarendon Press.
- Imlah A.H. (1939). *Lord Ellenborough: A Biography of Edward Law, Earl of Ellenborough, Governor-General of India*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Indian Constitutional Documents 1757–1939* / Ed. by A.C. Banerjee. 3 vols. 1948. Calcutta: A. Mukherjee. Vol. I. 1757–1858.
- James L. (1997). *Raj: The Making and Unmaking of British India*. L.: Little, Brown and Co.
- Kaye J.W. (1966). *The Administration of the East India Company: A History of Indian Progress*. Allahabad: Kitab Mahal.
- Keay J. (1991). *The Honourable Company: A History of the English East India Company*. L.: Harper Collins.
- Keith A.B. (1937). *A Constitutional History of India, 1600–1935*. L.: Methuen.
- Kulke H., Rothermund D. (2018). *Geschichte Indiens: Von der Induskultur bis heute*. München: C.H. Beck.
- Lane F.C. (1979). *Profits from Power: Readings in Protection Rent and Violence-controlling Enterprise*. Albany: State University of New York Press.

- Lawford J.P.* (1978). Britain's Army in India: From Its Origins to the Conquest of Bengal. L. etc.: Allen and Unwin.
- Letters Received by the East India Company from Its Servants in the East / Ed. by W. Foster. 6 vols. L.: Sampson Low, Marston and Co., 1901. Vol. V. 1617 (January to June).
- Maddison A.* (2001). The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD.
- Mallinson A.* (2011). The Making of the British Army: From the English Civil War to the War on Terror. L. etc.: Bantam Books.
- Marshall P.J.* (1976). East Indian Fortunes: The British in Bengal in the Eighteenth Century. Oxford: Clarendon Press.
- Marshall P.J.* (1987). Bengal: The British Bridgehead: Eastern India, 1740–1828 / The New Cambridge History of India II.2. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Nightingale P.* (1970). Trade and Empire in Western India, 1784–1806. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pomeranz K.* (2000). The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton: Princeton University Press.
- Roberts P.E.* (1952). History of British India under the Company and the Crown. L.: Oxford University Press.
- Stein B.* (1998). A History of India. Malden (MA): Blackwell.
- Sutherland L.S.* (1952). The East India Company in Eighteenth Century Politics. Oxford: Clarendon Press.
- Wallerstein I.* (2002). Three Hegemonies // Two Hegemonies: Britain, 1846-1914 and the United States, 1941–2001 / Ed. by P.K. O'Brien and A. Klesse. Aldershot: Ashgate. P. 357–361.
- Wink A.* (1986). Land and Sovereignty in India: Agrarian Society and Politics under the Eighteenth-century Maratha Svarajya. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Видьявачаспати И.* (1956). Bhārat me British samrājya kā uday aur ast (The rise and fall of the British empire in India). Delhi: Atmaram and sons. Vol. I (in Hindi).
- Ghulam Husain, Salim* (1898). The Riyazu-s-Salatin (The gardens of the sultans). Calcutta: Asiatic Society of Bengal (in Persian).